

О наводящих сон одах (может быть, с намеком на оды определенного поэта) Крылов говорит в конце своей статьи «Ночи» (напечатано в «Зрителе»). В Каибе (Зритель) резко говорится о при дворных стихотворцах, описывающих торжества богов и райские веселия, причем «описания их божеских пиров часто пахли гнилою соломой, на которой они сочинены», о стихотворцах, описывавших счастье царя Каиба, существовавшее только в их воображении. В другом месте повести Крылов заставляет Каиба попасть к стихотворцу-бедняку, пишущему оды вельможам, совершенно цинично торгующему своим стихоплетством. Он говорит: «Теперь я пишу оду Ослапиду. . . можно сказать, что она мне труда стоит: в этом добром человеке нет ни ума ни добродетели; такие люди ужасно трудные содержания для лирической поэзии. . .» и т. д.

Каиб говорит: «Мне удивительна способность ваша хвалить тех, в коих, по вашему ж признанию, весьма мало вы находите причин к похвалам». — «О! это ничего, поверьте, что это безделица! Мы даем нашему воображению волю в похвалах с тем только условием, чтоб после всякое имя вставить можно было. Ода — как шелковый чулок, который всякий старается растягивать на свою ногу. . .» — «Но если свет знает, что ваше описание ложно, что герои ваши — пустые пузыри, надутые вами?» — «Что же до того нужды? Аристотель. . . очень премудро говорит, что действия и героев должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны, — и мы подражаем сему благоразумному правилу в наших одах, иначе бы здесь оды превратились в пасквили. Итак, вы видите, сколь нужно читать правила древних». — «Я всегда думал, что стихотворцы приступают к одам, воспаленные добродетелями и совершенствами своих героев». — «Как вы ошибались! они воспаляются одним воображением и выбирают первого, кто попадется, как художник выбирает кусок мрамору: чем грубее и несовершеннее отломок, тем более славы и искусства дать ему нежной вид». — «Ах!» сказал, вздохнувши, Калиф: «Как же мало люди должны гордиться такими похвалами, которые нередко их ослепляют! . .» и т. д. Урок царям, — и, без сомнения, конкретному самовластителю России, — заключенный в указанном месте «К а и б а», бросает свет и на оду самого Крылова, бывшую, надо думать, более тактическим шагом, чем органическим проявлением творческого замысла поэта. Дела не меняет здесь ни его попытка намекнуть в оде на либеральные идеи, ни патриотическая тема, поданная, повидимому, вполне искренне, ни то обстоятельство, что Крылов хвалит не вельмож (как поэт в Каибе), а саму царицу. Во-первых, и ссца с поэтом в «К а и б е» бьет одописание, посвященное монарху, так же как вельможам; во-вторых, сильные и смелые выступления Крылова против всей структуры деспотического правительства и против самовластия, относящиеся к 1789 г., — и тот же «К а и б», появившийся в 1792 г., — все это вполне отчетливо демонстрирует истинное отношение Крылова 1790 г. к официальному великолепию монархии и к самому монарху, в частности,